

ПРЕМЬЕРА ШТААТСОПЕР: МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ СКЮДЕРИ XX ВЕКА

Другие берега

ДЛЯ РЕЖИССЕРА-перфекциониста Марко Артуро Марелли, знаменитого театрального художника, оформившего спектакли в немецких театрах и явно тяготеющего к немецкой опере от Моцарта до Хенце, история гофмановского Кардильяка в переработке Фердинанда Лиона и Пауля Хиндемита — «лакомый кусочек». Опера Хиндемита, написанная в начале века по законам неоклассицизма, актуализирует самую суть новеллы «Мадемуазель де Скюдери» уже в соответствии с исканиями немецкого театра в эпоху краха европейских монархий и систем ценностей. Квнтэссенция романтической новеллы оказывается созвучной восприятию жизни современными людьми. Разобщенность индивидуалистов и слияние в безликую толпу, легкость в отношении к окружающему миру, «незамысловатость», сопряженные со страхом за будущее собственных детей. Все это дает основание Марелли, сценографу и режиссеру в одном лице, для создания кошмарной модели Вселенной — Города, в котором улицы превратились в лабиринты, а дома нависают над жителями, точно хотят их пожрать. Немуудрено, что в темноте кажутся они сказочными троллями и великанами, передвигающимися по улицам,

и редкий прохожий не испугается их тени, тем более что Город стал местом омерзительнейших злодеяний. Толпа, бредущая по закоулкам лабиринта, готова уничтожить любого, на кого падет подозрение.

Вagnerовское золото губит Вселенную, золотые роскошества Кардильяка губят души жителей Города, и в первую очередь душу самого ювелира и гениального художника. Мизантроп Кардильяк с истинностью жителя XX века погружен в собственное «Я», до отказа забитое золотом. Нет в нем только сострадания и сочувствия собственной дочери. Но он Гений. И разве хуже он пороковых жителей Города, забывающих палками всех, на кого доносят соседи или жены, а самое главное, жаждущих блестящих побрякушек Кардильяка, несмотря на всю опасность, связанную с их обладанием? Или жадной и похотливой Дамы (этой современной «проекции» добродетельной гофмановской мадемуазель де Скюдери), ради кардильяковского золота готовой отдаться Кавалеру? В ее диких вскриках, сопровождающих тесные объятия с труном Кавалера, невозможно не заметить порочности Саломеи Уайльда — Штрауса и Лулу Ведекенде — Берга. Не менее омерзительные всплески слышны и в сцене в мастерской Кардильяка, сценография которой заставляет вспомнить дом-колодез, на дне которого властитель умов го-

рожан беседует с лучшими друзьями — украшениями, извлеченными из тайников в полу. Изгой, так резко выделяющийся и из бесцветной толпы горожан, и из белоснежной эфемерности королевского двора, запархивающего в эту «ночлежку» ради все тех же дорогих игрушек.

Музыка Хиндемита, столь величественная в его последующем опусе на тему «Гений и толпа» — «Художник Матиссе», написана «однородно», без драматического накала, словно композитор не пытается привести нас к развязке этой драмы, лишенной и толики гофмановского романтизма. И лишь наполненная эмоциональностью и энергией дирижера Ульфа Ширмера, молодого и очень одаренного музыканта, хиндемитовская партитура проходит все стадии эволюционного развития, озаренная кровавыми отблесками экспрессионизма, а психологические тонкости режиссера укрупняются и обогащаются музыкальными открытиями. Несомненно задаешь себе вопрос: почему эту оперу сейчас можно так редко услышать? Да кто из баритонов рискнет спеть столь тяжелый и физически, и вокально спектакль? Вене повезло больше других, ибо здесь уже в течение нескольких сезонов работает Франц Грундхебер, прославившийся исполнением партии Воццека в одноименной опере Берга в венском спектакле Аббадо — Дрездена. Его голос как

будто специально создан для всех самых неблагоприятных, на первый взгляд, партий. И только Грундхебер в состоянии пойти в них вокальные и актерские глубины, достойные великих мастеров прошлого. Его Кардильяк — существо в первую очередь несчастное. С тоской большого ребенка смотрит он на яркий желтый свет — воплощение эфемерности и фальшивости драгоценного металла в спектакле Марелли. Никто не посмеет вынести приговор его герою.

Охваченный нечеловеческой страстью, Кардильяк сам признается в совершенных преступлениях. Из ничего, из воздуха в руках толпы, своей плотной массой, безликими дырками вместо глаз и рта так лапонирующей жаждущих хлеба и зрелищ персонажей картин Брейгеля, появляются белоснежные палки. Люди расступаются: Кардильяк наказан. Над бездуховным и продажным миром всегда в мрачной дымке будет царствовать его сюрреалистическое видение.

Франц Грундхебер в финале спектакля «Кардильяк».